

ФИЛОСОФИЯ

Н. Ф. Зюзов

Социальная утопия Ивана Ильина

УДК 130.2

В своих статьях эмигрантского периода И. Ильин предлагает свой вариант будущего переустройства России и критикует современную западную демократию. Понимание того, что Ильин называет «истинной демократией» имеет весьма узкий характер, сводясь к прямой демократии афинского типа. В то же время он проходит мимо реальной практики репрезентативной демократии. Его подход можно охарактеризовать как продолжение «органической» линии в русской философии, которая в социальном плане характеризуется изоляционизмом, антиинтеллектуализмом, антигуманизмом, социальной пассивностью и т.д.

Ключевые слова: *русская философия, Иван Ильин, прямая демократия, репрезентативная демократия, изоляционизм, антигуманизм, социальная пассивность.*

Nikolay Zyuzev. The Social Utopia of Ivan Ilyin

In immigration, Ivan Ilyin worked on a project how to rebuild Russia after the fall of the Communist regime. He rejected Western democracy as an option, for in his interpretation, the «true democracy» is reduced to the direct democracy of Athenian type, while he blames the representative democracy for being «formal» and as such inappropriate for Russia. His social theory can be seen as a link in the «organic» line

in Russian philosophy, which in its social and political aspects leads to isolation, anti-intellectualism, anti-humanism, social passivity, etc.

Keywords: *Russian philosophy, Ivan Ilyin, direct democracy, representative democracy, isolationism, anti-humanism, social passivity.*

В последние годы Иван Ильин, в свое время полузабытый философ-эмигрант, всегда находившийся в тени своих более ярких коллег по «серебряному веку» — таких, как Николай Бердяев или Лев Шестов, — вдруг потеснил их и вышел на первый план по цитируемости. Очевидно, что Ильин стал внезапно востребован в современном политическом дискурсе, причем не во всей полноте своего философского наследия (например, его наиболее существенные труды, посвященные философии Гегеля, или его религиозно-философские работы практически не упоминаются), но лишь в его позднейшей части, где он предлагает свой вариант реконструкции российского государства. В силу сегодняшнего внимания к социально-политической системе Ильина, по-видимому, этот элемент его творчества заслуживает более строгого критического анализа, чтобы за произвольными цитатами не затерялась сама сущность его социальной философии.

Критика демократии. Свои взгляды на сущность России как исторически-политического явления Ильин выразил в серии статей, которые он публиковал в эмигрантских изданиях в 1920–50-е гг. В них он выражает свою уверенность в неизбежном падении коммунистического режима и предлагает собственную программу будущего переустройства страны. Ильин отталкивается от двух альтернативных систем государственного устройства: *корпорации* (демократии, т. е. системы управления «снизу вверх») и *учреждения* (авторитаризма, т. е. управления «сверху вниз»). У обеих систем имеются, утверждает он, свои преимущества и недостатки. В чистой же форме и та и другая неприемлемы, поскольку в своих крайностях они неизбежно ведут к тоталитаризму, как это случилось в России и Германии¹, каждая из которых, пройдя через краткую демократиче-

¹ Отношение Ильина к нацизму, в отличие от резкого отрицания коммунизма, было менее однозначным. Вначале философ одобрительно относился к Гитлеру и фашизму как выражению «органического национального духа», хотя затем вынужден был покинуть Германию в силу своих разногласий с режимом. Однако даже в послевоен-

скую фазу, свалилась вначале в авторитаризм, а оттуда — в жесточайшую тоталитарную систему. В этом смысле демократия даже более опасна, чем авторитаризм, так как она почти неизбежно ведет к анархии и хаосу, а вследствие этого — к потребности в «твердой руке» и соблазну тоталитаризма.

Ильин полагает, что будущая Россия должна быть сформирована как сочетание корпоративных и учрежденческих элементов с преобладанием последних. Главные его аргументы в пользу такой точки зрения — резкая критика современной ему европейской демократии и идеализация монархического прошлого России.

Помимо анархических тенденций в демократии (хотя тут надо отметить, что случаи Германии и России скорее говорят об угрозе тоталитаризма незрелым и неопытным демократиям, в то время как англосаксонские страны с их долгими демократическими тенденциями, никогда не имели сколько-нибудь серьезных фашистских или коммунистических движений на своих территориях), объектом критики Ильина становится то, что он называет «формальной демократией», которая стала доминировать, считает он, практически во всех странах Запада, за исключением Швейцарии и США. Говоря о «формальной демократии», он находит ее порочной по причине внутренней эгоистичности каждого агента политического процесса и по причине тех правил игры, которые поощряют неограниченное преследование каждым индивидом его частных целей в ущерб общим. «Гражданину дается неограниченное право тайного самособлазна и совращения других, а также незаметной самопродажи; ему обеспечивается свобода неискреннего, лживого, коварного, инсинуирующего слова и двусмысленного, расчетливого замалчивания правды; ему дается свобода «верить» лжецам и негодям или же притворяться поверившим (корыстно симулировать такое-то или противоположное политическое настроение). И для свободного выражения всех этих духовных соблазнов ему дается «избирательный бюллетень» [1, с. 37].

По сути, Ильин обвиняет демократию в том, что она антигосударственна в прямом смысле, то есть развитие демократии неиз-

ной статье «О фашизме» он упоминает «здоровые» элементы в этом движении, а в целом статья носит отчетливое чувство сожаления о сделанных фашистами ошибках и нереализованном потенциале самой идеи.

бежно ведет к тому, что частные интересы частных граждан разорвут нацию на части — здесь, кстати, и коренится причина хаоса, далее ведущего к тоталитаризму. Насколько адекватно представление Ильина о западной демократии его времени — это отдельная тема, здесь же уместно остановиться на лишь одном, но крайне важном для его позиции элементе его интерпретации современного демократического устройства: единственно истинной формой демократии он полагает демократию афинского типа, то есть такое устройство, при котором каждый гражданин может выражать свою волю непосредственно и с полным знанием предмета. В современности, как известно, формы прямой демократии сохраняются лишь в ограниченной форме — например в виде референдумов, когда население напрямую выражает свою волю. Основная форма демократии сегодня — репрезентативная власть, когда управление осуществляется через избранных на выборах лиц. Но такая форма радикально расходится с представлениями Ильина о подлинном демократическом устройстве.

«Органический» принцип. Среди множества факторов, которые обуславливают успех или провал демократического устройства, выделим три, на которые наиболее часто ссылается Ильин. Первый фактор — это территория. Наиболее близка к афинскому идеалу, по мнению Ильина, Швейцария, в которой в силу ее малых размеров — что далее подчеркивается ее федеративным устройством с еще меньшими составными частями — возможно прямое участие граждан в государственном управлении. Демократия в Соединенных Штатах также держится на федеративном устройстве, так что управление в этой крупной стране сводится к управлению на региональном уровне. Ильин упоминает также Англию (также федерацию по своей сути) и Голландию как страны с более или менее аутентичной демократией.

Второй фактор — это уровень правосознания народа. Об этом Ильин говорит много, повторяя вновь и вновь, что русскому народу никогда не был присущ должный уровень правосознания, а без этого ни стоит даже и заводить речь о построении демократического общества. «Демократия предполагает исторический навык, приобретаемый народом в результате долгого опыта и борьбы; она пред-

полагает в народе культуру законности, свободы и правосознания; она требует от человека — политической силы суждения и живого чувства ответственности» [1, с. 144]. В этом отношении Россия крайне отстает от таких стран, как Соединенные Штаты, где в силу определенных исторических обстоятельств, связанных с эмиграцией и историческими корнями нации, сложилось особое отношение и уважение к правовому аспекту жизни. Поэтому в будущей России первоосновной задачей правительства будет воспитание населения, чтобы оно стало достойным тех задач, которые стоят перед нацией. «Человек, имеющий здоровое правосознание — есть свободный субъект прав; он имеет волю к лояльности (законопослушанию), он умеет блюсти и свои, и чужие полномочия, обязанности и запреты; он есть живая опора правопорядка, самоуправления, армии и государства» [1, с. 31].

Наконец, третий фактор — это национальная индивидуальность, которая складывается из множества элементов и в итоге составляет органическое начало нации, ее неповторимую индивидуальность, которая в свою очередь требует индивидуального подхода и индивидуального государственного устройства. Иными словами, Ильин двигается в русле «органического мирозерцания» в русской философии, связанной с именами А. Григорьева, Н. Страхова, Ф. Достоевского, Н. Данилевского, К. Леонтьева. Согласно этому направлению, никакие общие стереотипы не применимы к разным странам и народам. Противоположностью органического является «механическое понимание государства и политики: механическое и органическое. Механическое — отстаивает человеческую инстинктивную особь и ее частные интересы; оно измеряет жизнь количественно и формально. Органическое исходит от человеческого духа и восходит к национальному единству и его общим интересам; оно качественно и ищет духовных корней и решений» [1, с. 36]. В этом смысле любая попытка найти для того или иного народа подобающую систему управления должна основываться не на образцах, заимствованных у других наций, а на собственной природе и собственном уникальном характере данной нации. То, что органически сложилось в Швейцарии или Соединенных Штатах, никак не может служить образцом для подражания для ко-

го-нибудь еще. В этом смысле и России следует взглядеться в собственную историю и национальный характер и найти в них основания для единственно правильного государственного устройства.

Любой из этих аргументов легко разбивается не только на теоретическом, но и — что видно с полной очевидностью — на практическом уровне. Ссылки на размеры и низкую плотность населения как препятствие к демократическому устройству (а иначе говоря, как аргумент в пользу монархии) явно неприменимы, например, к Канаде или Австралии (да и к США, особенно с учетом того, что США и Россия, если брать только ее европейскую часть, где проживает подавляющее большинство населения, практически идентичны). Успешное введение и функционирование демократического устройства не только в Европе, но и в Азии и Африке, давно доказало, что демократия (конечно, с должными поправками на национальные особенности) является универсальным механизмом организации политической и экономической жизни самых разных стран с самой разной историей и уровнем правосознания. Суть, конечно, в другом — в отчаянной попытке Ильина аргументировать необходимость реставрации монархического устройства в России. Отсюда его обращение к безальтернативности «сильной власти» в такой огромной стране, к необходимости «воспитания народного правосознания» (причем это правосознание сводится, по сути, к «монархическому правосознанию») и к осознанию исторического характера России и ее «великодержавных» задач.

Ильин полагает, что не только реальная демократия в современной ему форме непригодна для России, он отрицает даже теоретическую уместность идеи «общественного договора» в применении к своей родине: «Форма «общественного договора» неосуществима в России: — всенародный сговор с арифметическим подсчетом голосов быстро развалит русское государство» [1, с. 284]. И хотя далее он говорит о том, что «новая конституция России должна совместить преимущества авторитарного строя с преимуществами демократии, устраняя опасности первого и недостатки второй» [3, с. 285], но отсутствие пояснений, чем он собирается заменить «общественный договор», оставляет читателя в недоумении относи-

тельно того, как при этом можно сохранить демократический элемент в государственном устройстве.

Более того, та общественная структура, которую он предлагает, прямо противоположна договорной системе, строящейся снизу вверх. Для него понятие либеральной свободы эквивалентно разнужданности и вседозволенности ничем не сдерживаемых индивидов. По контрасту с этим Россия будет истинно свободна, но эта свобода будет реализована сверху вниз. «Кто любит Россию, тот должен желать для нее свободы; прежде всего свободы для самой России, как государства, ее международной независимости, ее державной самостоятельности; далее — свободы для России как национального, хотя и многочисленного единства, то есть творческой нестесненности, любовного взращивания русской и всех других российски нерусских национальных культур и, наконец, свободы для русских людей как множества духовных и хозяйственных личностей, свободы для всех нас как живых субъектов права: свободы веры, искания правды, творчества, труда и собственности» [1, с. 188]. Все это Ильин подкрепляет рассуждениями о том, что и понятие свободы не может быть универсальным для всех народов, а ее конкретная форма всегда зависит от почвы и истории той или иной нации.

Надо отметить, что обвинения во вседозволенности, которые Ильин обрушивает на либерализм, являются типичным примером того, как критика направляется на надуманную проблему. На самом деле, начиная с Гоббса, вся школа «общественного договора» в западной философии была так же далека от проповеди вседозволенности, как и сам Гоббс, которого Ильин, кстати, называет «последовательным антилибералом», явно не замечая за его монархической составляющей общую строго либеральную установку классика социальной философии на твердую защиту личности и прав индивида. Общий принцип теории общественного договора заключается в том, что свобода индивида всегда ограничена свободой других, а поэтому любой общественный контракт всегда строится на взаимных уступках, компромиссах, уважении друг к другу и строгому соблюдению заключенных договоренностей. Этот принцип был в основании как классических теорий общественного договора

(Гоббс, Локк), так и современных (Роулс, Нозик). К примеру, у Джона Роулса [3] в исходной позиции индивид находится в ситуации неведения относительно своего места в том гипотетическом обществе, нормы которого он должен формулировать. Соответственно, он стремится устранить всяческую несправедливость в нем, чтобы интересы и права даже наименее удачливых были надежно защищены. Роберт Нозик (который обычно рассматривается как антипод Роулса), проповедуя «минимальное государство» и максимальную свободу индивида, тут же ограничивает ее жесткими моральными и правовыми рамками, которые запрещают вторжение в свободу других. При таком подходе основой государства становится закон, а не мифический «национальный дух».

Говоря о том, что Россия нуждается в свободе, Ильин переворачивает эту картину с ног на голову. В начале своего перечисления специфических категорий свободы, необходимых для нации, он ставит свободу для России *как государства* и лишь в последнюю очередь говорит о свободе «субъектов права», то есть индивидов. Система Ильина и классическая схема «общественного договора», сложившаяся в западной философской традиции, зеркально противоположны: в первой человек служит государству, во второй — государство должно служить интересам человека. В этом плане все те слова, которые Ильин произносит о «духе братской корпорации» (т.е. демократии) тут же элиминируются диктаторско-авторитарной сутью его конструкции, когда он напоминает, что «составитель будущей русской конституции должен понять и запомнить, что все установления, правила и обычаи демократического строя, которые усиливают центробежные силы в политике или ослабляют центростремительные тяготения народной жизни, должны быть специально для России обезврежены и заменены иными, закрепляющими национальное единение» [1, с. 284].

Конечно, сам Ильин сказал бы здесь, что все, что заботит его, это суверенитет России, ее безопасность от посягательств врагов на ее независимость и целостность. Звучит убедительно, особенно в контексте двух мировых войн и неисчислимых человеческих страданий. Но итоговая формула, которую он предлагает будущим устроителям освобожденной от коммунизма страны, является не

более чем монархической утопией, которая на деле гораздо ближе даже не к имперской России, а к сталинскому Советскому Союзу, где индивид был лишен каких-либо реальных прав и свобод. Со сталинизмом Ильина роднит и его забота о «воспитании правосознания» в человеке, который пока «не готов» к активному участию в управлении государством (что также априори исключает наделение его реальными правами и обязанностями), и все это перекликается с лозунгами о «руководящей роли партии» и важности «коммунистического воспитания» нового человека. Точно так же и его идеализированное описание государя, который «призван к власти» и «обязан властвовать и вести» [1, с. 290], практически идентично раболепным эпитетам сталинского периода, при этом Ильин доходит до абсурда в своей слепоте относительно параллелей между собственной системой и реалиями сталинского режима. Особенно вопиющим является крайний антигуманизм обеих систем, каждая из которых категорически отказывается признавать политическую правоспособность индивидов. В противовес этой позиции классики теории «общественного договора» принимают человека таким, каков он есть, — со всеми его недостатками, эгоистическими и агрессивными инстинктами, но также и с достаточным интеллектом и способностями, чтобы заключать и исполнять социальные контракты и обязанности.

Что система Ильина утопична, ясно даже при беглом знакомстве с ней. Сама мысль о том, что всемудрый, благочестивый, морально и интеллектуально совершенный монарх может повести за собой непросвещенную нацию и постепенно поднять ее до должного нравственного, правового и интеллектуального уровня, была бы смехотворной, не более, если бы только не родилась из-под пера в общем-то талантливому мыслителю и поэтому не воспринималась его читателями серьезно. Но кроме очевидной практической фантастичности его построений, есть и другое, более «теоретическое» основание этой утопичности.

Элементы «органической» идеологии. Общий антигуманизм и монархизм Ильина являются лишь проявлениями его более глубокой философской установки, которая сближает его с натуралистическими школами социальной мысли, включая уже упоминавшийся

«органический» подход в русском понимании культуры и истории. Эта линия, помимо уже упоминавшейся группы философов (Н. Данилевский, К. Леонтьев и др.), ассоциируется также с движением евразийства, разными вариантами «почвенничества» и с такими мыслителями, как, например, Л. Гумилев. Данные учения трактуют каждую нацию (или цивилизацию) как нечто «органически выросшее» на данной территории в данную историческую эпоху. Соответственно, нация — как и любое органическое существо, например, какое-либо растение, — имеет присущую только ей природу, не способна трансформироваться ни во что иное, сопротивляется попыткам привить ей чужеродные элементы, развивается согласно присущим только ей уникальным законам, неразрывно связана со своей почвой, глубоко оригинальна и т.д. Отсюда, кстати, берет начало ильинский антигуманизм (в силу предпочтения нации как целостного организма в ущерб ценности отдельной личности), монархизм и антидемократизм (как следствие из непреложной иерархичности природы).

Несостоятельность самого подхода была совершенно ясна и никогда не была особенно популярна, во всяком случае среди серьезных специалистов. Еще очевиднее ложность подобных концепций в современном глобализующемся мире, где ни одна нация не может процветать в состоянии изоляции, на которую ее толкает любое биологически ориентированное мировоззрение. В окружении других наций, опирающихся на разделение труда и взаимовыгодный обмен ресурсами и технологиями, она будет просто обречена на жалкое прозябание и неизбежный крах. Тем не менее такие теории нельзя не принимать всерьез, так как если какая-то нация или национальные лидеры берут ее на вооружение, то насколько бы губельны ни были итоги, на каком-то промежутке времени эта идеология может становиться влиятельной, оказываясь источником угроз и для самой этой нации, и для ее окружения.

Разговор об «органическом» понимании истории может быть долгим, как и о месте этого типа мышления в русском национальном менталитете (достаточно вспомнить, как восхищался Пьер Безухов — а вместе с ним и Лев Толстой — «роевым началом» в русских людях), здесь же уместно ограничиться отдельными следст-

виями, которые вытекают из увлечения идеологией, подобной тому, что пропагандировал Ильин. *Изоляционизм, антидемократизм и антигуманизм* уже упоминались. Но весь список этим далеко не исчерпывается.

Ксенофобия. Это явление практически неизбежно, так как любое веяние, приходящее извне, воспринимается с подозрением как «чуждое» и «неорганическое» для местной почвы. Точно так же и иностранцы трактуются как «чужаки», неспособные понять «национальный дух» и национальный характер данного народа, что, как правило, трактуется как доказательство их неполноценности или недоразвитости. Частный случай ксенофобии — антисемитизм, так как эта этническая группа сразу подпадает под подозрение по причине верности собственной национальной религии и традициям. Ксенофобия распространяется далее на любые оппозиционные группы, которые отказываются от национальной идеологии, а потому рассматриваются уже как «предатели» национальной идеи, то есть как группа, поставившая себя за пределы «органического целого» нации.

Агрессивность и милитаризм. То и другое являются обязательными элементами любой изолированной национальной системы, которые видят себя осажденными враждебными силами, а потому испытывают нужду в защите собственного суверенитета и независимости. Такая ситуация будет далее осложняться, если гипотетические границы «органического целого» нации не совпадают с реальными государственными границами, что может спровоцировать попытки агрессии и оккупации чужих территорий.

Антиинтеллектуализм. Органицизм, ставя биологическое (т.е. иррациональное) выше рационального, имеет тенденцию к недооценке науки и научного знания. Такая идеология будет всячески подминать под себя рациональные элементы в политике, экономике и культуре. В этой обстановке, по сути, неизбежен расцвет клерикализма и всякого рода антинаучных, оккультных и даже откровенно мракобесных течений и увлечений.

Социальная пассивность. Если все социальное является, по сути, биологическим, то это автоматически ведет к затиханию социальной активности и приводит к особому типу индивидуализма, ко-

торый существенно отличается от западного индивидуализма. Западный индивидуализм опирается на экономическую, политическую и правовую автономию личности, что, в свою очередь, обеспечивает возможность эффективного коллективного действия, основанного на согласованности и взаимном доверии отдельных личностей. «Органический» индивидуализм выражается прежде всего в неспособности или крайней затруднительности в осуществлении каких-либо совместных действий — будь они разового характера или же в форме долгосрочных социальных или политических программ. «Органичность» как противоположность рационального будет препятствовать всяческому обсуждению, планированию и координированному проведению в жизнь общественных целей. Заменой этому становятся массовые движения, которые возникают по принуждению либо же оказываются сугубо формальными по своей сущности (как, например, членство в профсоюзах и других массовых организациях в Советском Союзе).

Культ силы. Неудивительно, что в «естественной среде» признаваться может только верховенство грубой, то есть натуральной, силы. Кто силен, тот и прав, — таков закон для данной среды. Более того, властелин в такой среде просто вынужден постоянно демонстрировать свою силу, даже вопреки закону и нормальным человеческим чувствам жалости и сострадания. А народ, в свою очередь, моментально теряет уважение к власти при первых признаках ее слабости.

Аморализм за пределами «органического единства». Порядочность и честь имеют смысл только по отношению к «своим», а так как все за пределами «организма» понимается как нечто враждебное, то и обращаться с ним следует как с чем-то враждебным: запугивать, лгать, предавать, красть и т.д.

Данный список можно продолжить, но сказанного достаточно, чтобы дать ясное представление о политической природе подобных теорий. Многие из перечисленного, к сожалению, можно легко обнаружить в статьях Ильина эмигрантского периода. Остальное логически вытекает из его базовых утверждений, хотя он сам, может быть, и не захотел бы этого признать. Впрочем, мыслители в своем страстном увлечении какой-то идеей порой бессознательно игнори-

руют нежелательные выводы, к которым последовательное продолжение этой линии мысли может привести. Было ли так с Ильиным — знает только он. Но его читатели должны быть внимательнее, знакомясь с его творческим наследием.

1. Ильин И. О грядущей России. М. : Военное издательство, 1993.
2. Nozick, Robert. Anarchy, State, and Utopia. Cambridge, MA. Blackwell, 1968.
3. Rawls, John. A Theory of Justice. Cambridge, MA. Harvard University Press, 1971.

С. Д. Лобанов

О дилемме звучание/глухота и принципе надежды

УДК 130.3

В статье рассматривается пересечение дилеммы звучание/глухота и принципа надежды. Показывается, что «сонорность», звучание мира и человека служат источником смыслообразования и противопоставляются глухоте в значении бессмысленности. Одним из способов существования человека является надежда. В статье рассматриваются некоторые концепции принципа надежды. Надежда связывается с преобразованием жизни в целом и обновлением мира в виде будущего. Однако надежда имеет ограничение через убеждение в смысл переживаемого настоящего. Считается, что вопрос «На что я смею надеяться?» создает основу для изменения действительности.

Ключевые слова: звучание, абсурд, надежда, смысл и ценность жизни, человек и судьба.